

Председателю Диссертационного совета Д 503.001.01  
при Институте законодательства и сравнительного  
правоведения при Правительстве  
Российской Федерации,  
доктору юридических наук, профессору  
В.М. Жуйкову

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**  
**о диссертации СУЛТАНОВА АЙДАРА РУСТЭМОВИЧА**  
**«ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ**  
**ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ**  
**ФЕДЕРАЦИИ»**

**представленной на соискание ученой степени кандидата**  
**юридических наук по специальности 12.00.15 – гражданский**  
**процесс; арбитражный процесс**

Актуальность темы, избранной А.Р. Султановым, проявляется в необходимости осмыслить то значение и влияние деятельности Европейского Суда по правам человека, которые последний оказал на гражданское судопроизводство Российской Федерации. По справедливому замечанию диссертанта, Европейский Суд по правам человека устанавливает высокие требования ко всем аспектам сферы гражданского судопроизводства, и хотя практика ЕСПЧ вызвала в России несколько волн судебной реформы, состояние защиты прав человека далеко от идеала. Цель работы определена как формирование и обоснование целостного научного представления о постановлениях ЕСПЧ как способе устранения правовой неопределенности в национальной судебной юрисдикции (с.8).

Ситуация с диссертацией А.Р. Султанова, можно сказать, уникальна, поскольку на протяжении многих лет, задолго до того как стать соискателем ученой степени, А.Р. Султанов многие свои идеи уже реализовал, добившись их практического внедрения, а также закрепления в конкретных положениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (самим диссертантом они, в частности, перечислены на стр.10 автореферата). Причем, этими идеями он щедро делился с научным сообществом, публикуя статьи и монографии, активно участвуя в научных конференциях. Продуманные, тщательно сформулированные при подготовке конкретных дел, позиции и формулировки, доводы и аргументы стали достоянием

юридической общественности, они – часть нашей общей юридической культуры.

Структура работы представлена 3 главами, состоящими из 15 параграфов, введением и заключением. Структура работы соответствует избранной теме, обозначенной цели (с.8) и поставленным задачам (с.9-10). Первая глава работы посвящена воздействию результатов обращения в ЕСПЧ на гражданское процессуальное законодательство. Две другие основаны на конкретных делах, активным участником которых и автором выработанных позиций, был автор диссертации.

Заслуживают внимания следующие положения диссертационного исследования:

Автором обосновано существование особого охранительного правоотношения, которое не оканчивается актом государства, а продолжается в межгосударственных органах и оканчивается лишь в момент защиты и восстановления нарушенных основных свобод и прав человека (с. 26, 30, положения на защиту № 1 и 2).

Привлекательна идея о том, что именно человек объективно связывает все правовые системы (с.31), а также оценка причины популярности обращений в ЕСПЧ – это не только территориальная близость, но и *юридически обязывающая природа* постановлений ЕСПЧ и наличие контроля за исполнением постановления (с.36).

Достаточное внимание, причем в хронологическом порядке, уделено поиску процессуальной формы для исполнения постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе (с.44-87). Заслуживает внимания положение о том, что изменения в АПК и ГПК вновь поставили вопрос о правоподтверждающем либо правотворческом характере актов КС и ЕСПЧ, и отнесение актов КС и ЕСПЧ к новым обстоятельствам можно в определенной части рассматривать как попытку придать им правотворческий, а не правоподтверждающий характер (с.87).

Решением КС, как указывает автор на с.97, определяются два юридических факта: установление неконституционности нормы или её неконституционное истолкование правоприменителем (что имеет значение для широкого круга лиц) и нарушение конституционных прав применением неконституционной нормы либо её применение в соответствии с неконституционным толкованием (что имеет значение для заявителей). Именно совокупность данных юридических фактов создает возможность заявителям возбуждать производство по пересмотру решения по новым обстоятельствам.

Решения КС РФ, в которых выявлен конституционно-правовой смысл нормы, также не являются новыми обстоятельствами в полном смысле этого слова, поскольку являются юридическими фактами, лишь подтверждающими другой юридический факт – факт того, что ранее существовавшее толкование нормы было неконституционным (с.98-99). Выявление конституционного смысла нормы по последствиям аналогично признанию нормы неконституционной (с.100).

В § 1.5 автор справедливо правовая позиция ЕСПЧ о том, что нормативные акты страны-участника не соответствуют Конвенции, хотя и не влечет их автоматической дисквалификации, но порождает обязанность правоприменителя использовать нормы международного права, имеющие приоритет, а не нормы, противоречащие Конвенции. Данная правовая позиция излагается в мотивировочной части Постановления ЕСПЧ, а не в резолютивной (с.121-122). Не осуществляя абстрактного нормоконтроля, ЕСПЧ при рассмотрении конкретного дела может выносить суждения о «неконвенционности» нормы права. Ответственность за быстрое приведение российского законодательства в соответствие с требованиями о соблюдении прав человека лежит, в первую очередь, на законодателе, но, как верно отмечает диссертант, круг субъектов (Правительство РФ, суды и др.), способных повлиять на содержание законодательства в области прав человека, достаточно широк, нужна лишь их воля (124-130). Упрёк в отношении компетентных лиц справедлив.

А.Р. Султанов также полагает, что установление нарушения Конвенции, имевшее место вследствие применения национального законодательства – самостоятельный юридический факт, порождающий определенные процессуальные последствия (с.133). Отмечает преюдициальность толкований ЕСПЧ (с.135-142, положение № 4), их можно применять напрямую, но всё же нужно это правило законодательно закрепить. Доказывает, что постановления ЕСПЧ имеют преюдициальный характер и лицо, выигравшее дело в ЕСПЧ, освобождается от доказывания этих фактов в российских судах. Толкование ЕСПЧ норм Конвенции применительно к обстоятельствам дела является обязательным, но также обязательным является и подтверждение его постановлением субъективного права заявителя (с.142).

Интересным видится и рассмотрение позиции ЕСПЧ в отношении нарушений материальных норм Конвенции (§ 1.7). Приводятся примеры конкретных дел (часть из которых – с участием автора) о нарушении статей 8, 10, протокола № 1 Конвенции. Общая ошибка в них – дефекты доказательственной деятельности в российских судах, немотивированность

судебных актов. Здесь же (с.145) обосновывается положение № 6 о том, что правовые позиции ЕСПЧ могут содержаться и в постановлениях о приемлемости жалобы (дела Бердзенишвили и Денисова).

Во второй главе исследования (§ 2.1.) при обосновании положения № 5, отмечается, что положения о правах и свободах человека в Конвенции не создают этих прав, а лишь закрепляют механизмы по их защите. Соответственно, в подходе о нормативно-правовом комплексе должно быть, прежде всего, учтено, что первым элементом такого комплекса является наличие естественных прав и свобод человека, а уже потом норм об их защите Конвенцией и толкований этих норм ЕСПЧ. Правовые позиции ЕСПЧ в комплексе с нормами Конвенции, с учетом того, что они направлены на защиту естественных прав и свобод, подлежат включению в конституционно-правовые нормативные комплексы, образованные нормами Конституции и должны быть учтены при рассмотрении вопросов о конституционности тех или иных положений российского законодательства. Аргументация, основанная на международно-правовых нормах более чем уместна при рассмотрении дел, связанных с правом на справедливую судебную защиту (с. 174-175).

Далее, в каждом параграфе второй главы диссертант приводит собственный опыт использования позиций ЕСПЧ при оспаривании процессуальных норм в Конституционном Суде РФ (с. 176). Первое такое дело касается права лиц, не принимавших участия в деле, о правах и обязанностях которых принято решение, обжаловать такое решение (§ 2.2). На основании позиции автора, основанной, помимо прочего, на ст.6 и 13 Конвенции, было принято Постановление КС РФ № 1 от 20.02.2006 г. в отношении ст.336 ГПК РФ. Данное постановление, действительно, повлияло на дальнейшее развитие законодательства и в настоящее время право лиц, не привлеченных к участию в деле, обжаловать затрагивающие их решения, закреплено в процессуальном законодательстве. Второе дело (§ 2.3) касается оспаривания положений ст.389 ГПК в его прежней редакции и принятого Постановления КС РФ от 05.02.2007 г. в отношении статей 16,20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК. В качестве дополнительных доводов были использованы правовые позиции ЕСПЧ, который по целому ряду жалоб, в том числе из России, указал, что возможный интерес в обеспечении единообразного применения не может быть оправданием для лишения стороны в споре выгоды, полученной в результате вступившего в законную силу решения (с.182). К тому же есть необходимость учитывать баланс частных и публичных интересов. Поскольку порядок рассмотрения дел по жалобе в порядке ст.389 ГПК не был установлен, позиция заявителей

включала и ссылку на практику ЕСПЧ, указавшую, что национальный суд не может рассматривать дела на основании практики, не установленной законом и не может в таком случае считаться органом правосудия, «установленным законом», кроме того, Верховный Суд РФ становился судьёй в собственном деле (с.184), принцип правовой определенности (ст.6 Конвенции) нарушался и отсутствием срока обращения (с.185). Третье дело (§ 2.4) касается оспаривания положений АПК об отводе арбитражных заседателей (изначально перечни для отвода судей и для отвода арбитражных заседателей отличались). Применительно к данному делу дается даже историческая справка: от результатов эксперимента по арбитражным заседателям, до этапов движения законопроекта и особенностей мнений по нему (с.191-194). Далее уже описывается дело, с которым столкнулся непосредственно ОАО «Нижекамскнефтехим» (с.194-197; с.202-206). Основу позиции заявителя составили ссылки на ст.6 Конвенции и практику ЕСПЧ в соответствии с которой нарушение принципа беспристрастности является нарушением прав на справедливое судебное разбирательство независимо от степени профессиональности судей, а невозможность заявить отвод арбитражному заседателю при наличии сомнений в его беспристрастности находится в противоречии с международным правом (199-202). В результате рассмотрения данного дела было принято Постановление КС РФ от 25.03.2008 в отношении ч.3 ст.21 АПК РФ, позднее – внесены изменения в АПК и в настоящее время основания для отводов одинаковы.

Во второй главе, к сожалению, присутствуют описательные моменты повествовательного характера (кто какую позицию занимал, как происходило движение дела и т.п.), не имеющие отношения к формулированию научных выводов.

Влияние высших судебных инстанций на применение постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе исследовано в главе 3. Так, в § 3.1 рассматривается влияние Постановления Пленума ВС РФ № 21 от 27.06.2013 г. на судебную практику, комментируется содержание этого Постановления с незначительными вкраплениями-ссылками на практику ЕСПЧ. Заметим, что анализ данного постановления требовался раньше – в главе 1, где рассуждения о характере постановлений ЕСПЧ остались незавершенными. Тезис о «своевременности принятия» этого постановления представляется спорным, поскольку с момента присоединения России к Конвенции к тому моменту прошло уже 15 лет.

В § 3.2 автор рассматривает влияние рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса Президиума Ленинградского окружного военного суда о соответствии Конституции РФ пунктов 3 и 4 ст.392 ГПК, ст.11 ГПК

(Постановление КС от 06.12.2013 № 27-П). Привлекательна и в достаточной степени убедительна позиция автора о том, что постановка вопроса со стороны заявителя была ошибочной, поскольку одновременно пункты 3 и 4 части 4 ст.392 ГПК не могли быть применены, соответственно, коллизий в их применении не возникает; взаимосвязь ст. 11 ГПК с указанными нормами также надуманна, поскольку в процедуре пересмотра по новым обстоятельствам вопрос применения материального права не стоит (с.221). Согласимся с автором в том, что фактически запрос окружного военного суда являлся попыткой поставить перед КС РФ вопрос в порядке абстрактного нормоконтроля, что находится за пределами компетенции данного суда и КС не должен был принимать запрос. Правильно отмечено, что КС, приняв дело к рассмотрению, фактически решал вопрос ограничения права на исполнение решений межгосударственных органов и это приводило к тому, что вместо обращения в КС (за что сам автор, как можно понять, ратует как за «профилактику»), лица будут обходить КС и выберут прямое обращение в ЕСПЧ (с.223).

Необходимо согласиться с диссертантом в его общей оценке Постановления КС по делу Маркина: оно не повлияло на процедуру рассмотрения дел по новым обстоятельствам по ГПК, но расширило компетенцию судов по обращению в КС РФ и компетенцию самого КС по рассмотрению подобных запросов. Но утверждение о том, что КС не имел в виду отказ постановлением ЕСПЧ в обязательности (с.261), вызывает сомнения, скорее ради отказа в такой обязательности дело в КС и затевалось.

А.Р. Султанов отмечает ошибочность обращения группы депутатов Государственной Думы с запросом в Конституционный Суд РФ (с.265-266), который привел к вынесению Постановления КС РФ № 21-П от 14.07.2015 по делу о проверке конституционности положений статьи 1 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и Протоколов к ней, пунктов 1 и 2 ст. 32 ФЗ «О международных договорах РФ», ч.1 и 4 ст.11, п.4 ч.4 ст.392 ГПК РФ, ч.1 и 4 ст.13, п.4 ч.3 ст.311 АПК РФ, ч.1 и 4 ст.15, п.4 ч.1 ст.350 КАС РФ и п.2 ч.4 ст.413 УПК РФ. Указывается, в частности, на то, что спорный вопрос уже был к тому моменту разрешен Конституционным Судом (с.267). Депутаты фактически оспаривали само содержание международного договора (с.264). Выбор заявителем норм для оспаривания был похож на попытку ревизии процедуры пересмотра судебных решений в связи с постановлениями ЕСПЧ (с.275); суть запроса крылась всё же не в оспоренных процессуальных нормах, а в новой попытке расширения компетенции КС и создания нового

механизма для решения вопроса о неисполнении постановлений ЕСПЧ (с.276).

Правильная оценка дается диссертантом и по делу Анчугова и Гладкова (с.271) – действительно, здесь нет необходимости изменять норму Конституции, а ЕСПЧ говорил лишь о недифференцированном подходе к осужденным. Следует согласиться с тем, что данным постановлением КС практически монополизировал вопрос о «неконвенционности» норм, точнее – о лишении судов права применять нормы Конвенции как нормы прямого действия в случае, когда нормы российских нормативных актов противоречат Конвенции.

Заключение КС от 16.03.2020 № 1-3 по запросу о поправке к Конституции, по мнению автора, обоснованному в § 3.4, содержит обязательное толкование о том, что «данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие полномочия межгосударственных юрисдикций». По мнению диссертанта, такое толкование (ожидаемое для него) означает не отход от основ конституционного строя, предусматривающих приоритет прав и свобод человека, а скорее является направлением поиска государством баланса при разрешении конкретных правовых проблем (с.294). Однако, диссертант всё же отмечает, что последовали изменения в законодательство РФ, направленные именно на неприменение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, и что законодатель, используя не очень удачную юридическую технику, установил презумпцию (хотя и опровержимую) соответствия решений межгосударственных органов (включая ЕСПЧ) Конституции РФ, в которой закреплены права и свободы, аналогичные конвенционным (с.296-297). Достаточно мягко отозвался автор и о ч.2 ст.101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», полагая, что данная норма направлена на устранение из правового поля нормативных актов, не соответствующих Конституции РФ, а не на постановку судами вопроса об исполнимости решения межгосударственного органа, в частности, ЕСПЧ.

Затрагивается и актуальный вопрос «эволютивного» толкования Конвенции, появления новых обязательств, которых страна в момент подписания не предполагала. ЕСПЧ ценит то, что Конвенция – «живой»

инструмент. Автор работы отмечает, что саму Конвенцию от устаревания спасает именно ЕСПЧ, в то же время высказывая опасения излишнего «судебного активизма», искажения идей, заложенных в Конвенции (с.300-306).

Оценивая диссертационное исследование А.Р. Султанова в целом, необходимо указать на его безусловную теоретическую и практическую значимость. Теоретическая значимость проявляется в той роли, которую играют выработанные диссертантом положения в развитии науки гражданского процессуального права. Практическая значимость проявляется во внедрении выработанных позиций в практику судов различного уровня, в возможности дальнейшего использования выводов диссертанта в законотворчестве и судебной деятельности. Диссертационное исследование А.Р. Султанова и его многочисленные работы могут использоваться и в преподавании соответствующих юридических дисциплин.

Основные научные результаты А.Р. Султанова были опубликованы: диссертант имеет 9 монографий по теме исследования, и более 180 научных публикаций, из которых более 100 научных статей - в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертационных исследований. Результаты исследования в течение многих лет докладывались на научных конференциях различного уровня.

Положительно оценивая диссертационное исследование А.Р. Султанова, необходимо отметить следующие замечания и спорные моменты, требующие пояснений:

1. Необходимо уточнить некоторые положения, выносимые на защиту: создается впечатление, что положения 2 и 3 фактически об одном и том же (об окончании исполнения). Также требуется уточнить, в чем новизна положения 6.

2. Не оспаривая заслуг автора в продвижении через Конституционный Суд РФ правовых позиций Европейского Суда по правам человека, хочется отметить, что в отношении права лиц, не принимавших участия в деле, о правах и обязанностях которых принято решение, обжаловать такое решение (§ 2.2) в науке высказывались различные суждения и позиция законодателя представляется спорной. Что касается оспаривания положений ст.389 ГПК в её прежней редакции и принятого Постановления КС РФ от 05.02.2007 г. (§ 2.3) хотелось бы отметить, что сама норма (а это – право Председателя ВС вносить надзорные представления) до настоящего времени сохраняется в



гражданском процессуальном законодательстве и, возможно вопреки своему желанию, автор диссертации вооружил КС и законодателя дополнительными доводами, с помощью которых норма и была сохранена (национальный суд не может рассматривать дела на основании практики, не установленной законом и не может в таком случае считаться органом правосудия, «установленным законом»; невозможно быть судьёй в собственном деле и др.). Хотелось бы уточнить, действительно ли автор полагает правильным существование права лиц, не участвовавших в деле, обжаловать вынесенное решение (ч.3 ст.320 ГПК), при том, что у таких лиц имеются предусмотренные законом иные способы защиты (например, ч.4 ст.13; ч.2 ст.209 ГПК)? Согласен ли автор с наделением Председателя Верховного Суда РФ правом возбуждения надзорного производства (ст.391.11 ГПК, аналог прежней ст.389), при том, что Председатель ВС РФ не является лицом, участвующим в деле?

3. Проведение диссертационных исследований предполагает понимание очевидной вещи: исследователь не является первым и единственным исследователем обозначенных проблем. Соответственно, научные идеи и позиции предшественников и параллельных исследователей, должны быть изучены и оценены, это – важная и необходимая часть поиска нового научного знания.

Упрёка заслуживает то, что в работе А.Р. Султанова труды других ученых зачастую лишь упоминаются в сносках, без анализа и научной дискуссии (характерные примеры: с. 88-89; 102; 143; на с.107 есть фраза «часть авторов предполагает», но ссылок на авторов нет). В защиту автора отметим, что, действительно, информационный поток сейчас очень плотный, научных публикаций много, можно не обратить внимание на статью, или раздел непрофильной монографии. Однако, диссертационные исследования, где на защиту выносятся научные положения, подлежат анализу. Полагаем, что диссертационное исследование С.Ф.Афанасьева на тему: «Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство» следовало использовать в дискуссии и его анализ обогатил бы диссертацию А.Р. Султанова.

Некорректным для диссертационного исследования является и заявление при описании дела Маркина: «Полагаем уместным здесь сконцентрироваться на фактических обстоятельствах развития данного дела, придерживаясь практического подхода, воздерживаясь от описания и

цитирования многочисленных публикаций, посвященных данному делу» (с.224). Таких публикаций, действительно, было много, соответственно уровню проблемы. Цитировать их не требовалось, но важно было проанализировать. Однако, отказавшись от «цитирования» (читай – анализа) научных работ, автор почему-то подробно цитирует должностных лиц, высказывавшихся по этому вопросу (с.228 - 233). Из описания фактических обстоятельств движения дела и высказываний должностных лиц (публицистического, а не научного характера) новое научное знание получить невозможно.

4. Хронологическое изложение событий (с.103 и далее) о применении судами позиций ЕСПЧ, о влиянии, которое оказывают постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении РФ, а также в отношении других стран, заканчивается анализом Постановления КС от 05.02.2007, в последнем, по мнению автора, и нужно было указать какие решения ЕСПЧ должны учитываться в правоприменительной деятельности. Вызывает недоумение, что исследование данного вопроса обошлось без анализа Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27.06.2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», хотя хронологический подход исследования требовал указания на то, что в 2013 году спорный вопрос был урегулирован Верховным Судом РФ в указанном Постановлении.

5. Следует сделать замечание и в отношении обширного подстрочного текста (например: с.155-156; с. 287-288). Для диссертационных исследований предпочтительнее, чтобы все рассуждения присутствовали в основном тексте. Автор злоупотребляет переносами содержательного материала в подстрочный текст, чем умаляет значение своих выводов. Такой подход не способствует восприятию, не способствует аргументации. Например: на с.103-105 затруднительно определить, где основные рассуждения, где сноски и дополнения.

Указанные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку работы, не умаляют её достоинств.

Диссертационное исследование соответствует специальности 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Работа обладает целостностью и внутренним единством, её структура корреспондирует задачам исследования.

Учитывая вышеизложенное полагаю, что диссертационное исследование А.Р. Султанова «Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации» соответствует требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (с последними изменениями и дополнениями) к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а её автор заслуживает присуждения искомой ученой степени по специальности 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс.

Официальный оппонент  
доктор юридических наук, профессор  
заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса  
юридического факультета ФГБОУ ВО  
«Омский государственный  
университет имени М.Ф. Достоевского»

Л.А. Терехова

13.05.2022г.

Тел: +79139737746

e-mail: [lydia@civpro.info](mailto:lydia@civpro.info)

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация: 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный  
процесс

Адрес места работы: 644065, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов 100/1

ПОДПИСЬ РАБОТНИКА *Л.А. Тереховой*

ЗАВЕРЯЮ: *О.С. Рогова*

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ УЧЕНОГО

